

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Теории молодежи: апология их неисчерпаемости*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

В статье выявляются основания несводимости теорий молодежи к единой концепции. Тезаурусный подход к понятию «молодежь» позволяет трактовать его как концепт, чем определяется многообразие соответствующих понятийных рядов.

Ключевые слова: молодежь, теории молодежи, концепт, тезаурусная концепция молодежи.

Theories of Youth: Apology of Their Inexhaustibility

VAL. A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In the article the foundations of irreducibility of theories of youth to a unified conception are being revealed. The thesaurus approach to the idea «youth» let us treat it as a concept. This defines the diversity of the corresponding conceptual series.

Keywords: youth, theories of youth, concept, thesaurus conception of youth.

Развитие теорий молодежи идет неравномерно, и причины тому — общенаучные. Собственно, о теоретическом знании в любой области, а в сфере общественных отношений тем более, говорить как о равномерно развивающемся невозможно. Всегда есть подъемы и спады, оживления научной активности и полосы невнимания, забвения и утери интереса. Весь вопрос в том, что же именно порождает всплески теоретической ак-

тивности. Применительно к молодежной проблематике уже можно считать установленным, что теория идет скачками, которые с небольшим опозданием следуют за всплесками в молодежном движении и молодежной политике. Это своего рода ответ на напряженность, испытываемую в обществе, причем, видимо, не столь важно, насколько такая напряженность негативна: она может быть реакцией и на позитивное обществен-

* Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 07-06-00069).

** Луков Валерий Андреевич — проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук РС Международной академии наук (IAS). Тел. (495) 374-70-20. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

ное изменение, связываемое с молодежью, — то, что в теории было названо ювентизацией (Луков, 2009). Но такая ситуативная зависимость теории от активности молодежи и по поводу молодежи не может не откладывать отпечаток на общественное сознание и на сами теории молодежи (Ильинский, Луков, 2008). Естественно в этой связи предпринять попытку отсоединить ситуативные влияния от гипотетического ядра единой и на все времена теории молодежи. В этом направлении все время делаются шаги исследователями молодежи, но в конечном счете от приемлемого для всех понимания молодежи, ее свойств и путей развития мы примерно так же далеки, как первые теоретики молодежи 20-х годов XX в.

Если последовательно применять тезаурусный подход к пониманию такого положения, то можно утверждать, что единая теория молодежи не просто «не получилась», а и не могла получиться, более того, ее возможность и необходимость стоят под большим сомнением. Рассмотрим аргументы, подтверждающие такое предположение.

ПОНЯТИЕ «МОЛОДЕЖЬ» КАК КОНЦЕПТ

Есть ли основания считать слово «молодежь» научным понятием и что из ответа на этот вопрос следует для исследований молодежи? Этот вопрос парадоксальным образом не может (в своей первой части) получить однозначного положительного ответа и нуждается в комментариях и пояснениях. В формально-логическом ключе можно даже утверждать, что научного понятия «молодежь» в современной науке нет, хотя это ставит под вопрос научную состоятельность и легитимность всей практики молодежных исследований. Совершенно очевидно, что класс эмпирических объектов, однозначно подпадающих под понятие «молодежь» и не подпадающих под понятия для родственных образований (структур, групп и т. д.), выделить невозможно, поскольку ни по одному признаку молодежи и по самому их составу общих представлений в научном мире нет, как, впрочем, и в общественной практике

и праве. Вопрос о возрастных границах молодежи на протяжении полувека остается самым широко обсуждаемым и самым неразрешимым в науках о молодежи (в социологии, психологии, антропологии, демографии, юриспруденции и т. д.). Он неясен и для практических целей, если необходим однозначный ответ в целях нормативного регулирования. Неясно и то, в каких отношениях молодежь находится с социально-классовой структурой, есть ли присущие ей (и только ей) социально-психологические особенности и т. д.

Итак, понятие «молодежь» — центральное для любой теории молодежи — оказывается в конечном счете слабо формализованным даже в рамках отдельных парадигм, не говоря уж о том, что общепринятого научного определения этого понятия нет. Но перейдем к вопросу с другой стороны. В гуманитарном и социальном научном знании строгие требования формальной логики к значительному числу понятий, включая и основные, не применимы.

Здесь следует учитывать два обстоятельства. Первое состоит в том, что гуманитарное знание даже в своей научной форме (а наука не равна гуманитарному знанию, она лишь его сегмент) имеет в качестве определяющих структур не столько понятия, сколько концепты. По нашей версии, именно концепты составляют основу тезауруса — особой формы субъектной организации гуманитарного знания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008: 111–115). Такое разделение слов «понятие» и «концепт» может показаться излишним, поскольку в гуманитарных науках давно сложилась практика использовать их как синонимы, особенно в текстах, представляющих перевод из иностранных источников. Однако тезаурус как знаниевая система отличается от наук как знаниевых систем своей ориентацией на субъекта и в конечном счете существенно большей зависимостью от него — носителя тезауруса и его конструктора. Понятия через обобщение вычлениют общие элементы *объективного мира* — предметы, свойства,

отношения, в то время как в тезаурусе они, сохраняя свое общее свойство быть мыслью о предмете, выделяющей в нем существенные признаки (по определению В. Ф. Асмуса), сверх этого приобретают оттенок, отражающий их *значимость для субъекта* и, таким образом, характеризующий их в ценностном аспекте. Вот почему для обозначения базовых элементов тезауруса мы используем термин «концепт».

Итак, концепт представляет собой выражаемое в знаке сращение смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа. Его связывает с другими концептами не только логическое, но и ценностное отношение. Соответственно, и в гуманитарных науках уйти от этого обстоятельства нельзя, само такое стремление — якобы в интересах повышения объективности науки — противоречило бы назначению гуманитарного знания для человека: оно нужно не для логической стройности как таковой, а для понимания человеком себя и своего места в окружающем мире. Если мы говорим о *теориях* молодежи (социологических, психологических, антропологических и т. д.), то мы все же говорим о теориях *молодежи*, где не считается с концептным характером основного понятия не удастся, если мы не хотим утратить за ноуменом сам феномен.

Прикладная сторона этого разграничения понятия и концепта состоит в том, что концепт (в данном случае «молодежь») окажется гораздо менее податлив для его строгого определения по правилам формальной логики, у него обнаружатся мерцающие смыслы и естественная многозначность. Вариативными окажутся и признаки, атрибуты, включая и ведущие. Так, возрастные рамки для понятия «молодежь» действительно существенны, атрибутивны, но они фиксируются не цифрами, а *устойчивыми образами*, различающимися в каждом из обществ в зависимости от роли географических факторов (климат, ландшафт и т. д.), традиций, культурных практик, системы образования и ряда других обстоятельств. Иными словами, если невозможно установить числовые индикаторы

молодежного возраста, то это вовсе не препятствие к тому, что в каждом обществе есть относительная солидарность в отнесении тех или иных индивидов к молодежи.

Вот почему именно наиболее общие понятия отраслей гуманитарного знания (и «молодежь» среди них) не нуждаются в большой точности дефиниций, хотя находящиеся с ними в одной системе менее обобщенные понятия вполне подлежат точному определению и работают по формально-логическим правилам. Для энциклопедий, словарей и учебников, конечно, приходится определить и «молодежь», но это скорее игра в определение, где от выделяемых признаков не обязательно лежит путь к структуре соответствующей отрасли научного знания (Лисовский, 1996; Волков, 2001; Социология молодежи, 2008).

Здесь-то и проявляется значение второго обстоятельства, которое важно учесть при работе с наиболее общими понятиями гуманитарных наук, которые совпадают с концептами (а как мы предполагаем, концептами и являются, что и отличает, среди прочего, гуманитарные и социальные науки от наук естественных). Это второе обстоятельство состоит в выяснении того, как же различающиеся между собой концепты и понятия могут взаимодействовать в одной системе научных координат, которую обычно называют понятийной системой. В самом деле, формально-логический подход предполагает, что понятие более общее находится в иерархической связи с понятиями менее общими и выступает как своего рода рамка для этих менее общих понятий, что в реальном измерении отражает соотношение общего понятия со всей совокупностью фактов, подпадающих под него, и предполагает ясную границу, отделяющую эту совокупность от всех других фактов. При работе с концептами, которые стоят в основе гуманитарных понятийных систем, есть необходимость исходить из иной трактовки соотношения общего и частного. Концепты, замещающие вершины таких систем, становятся своего рода смысловыми магнитами, в ре-

зультате действия которых в понятийном поле в «класс объектов» попадают довольно разные факты, если они обладают свойством притягиваться к данному концепту. Можно сказать, что вокруг концепта возникает некое магнитное поле, которое переменчиво.

В конечном итоге здесь, как и применительно к тезаурусам в целом, работает механизм конструирования по основанию «свой-чужой» (или: «свой-чужой-чуждый»). Если исходить из этого, станет понятным, почему не совпадают не только определения понятия «молодежь», но и структурирование научных дисциплин, изучающих молодежь. Кроме того, станет очевидным, что монодисциплинарный путь изучения молодежи хотя и возможен, хотя и доказал свою состоятельность в изучении важных сторон и проблем, относимых к молодежной проблематике, тем не менее не является самым продуктивным. Междисциплинарность, а скорее всего — синкретичность в изучении молодежи вытекает из концептной природы главного понятия для исследований в этой области гуманитарного знания. И не удивительно, что наиболее крупные концептуальные идеи относительно сущности молодежи и ее назначения в социальном целом (вроде теории рекапитуляции Г. Стэнли Холла, теорий «конфликта поколений», молодежных субкультур и т. д.) возникли как обобщения междисциплинарного характера и предполагали междисциплинарные исследования молодежи.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ТЕОРИЙ МОЛОДЕЖИ

Новое в теориях молодежи появляется как ответ на новые вызовы политической, социальной, культурной жизни в моменты, когда молодежная составляющая в этих вызовах проявляется наиболее заметно. Можно сказать, что стремление исследователей перейти на уровень высокой теории в такие эпохи, когда молодежь становится непонятной для общества, означает, что в интеллектуальной среде нарастает предчувствие приближающихся социальных перемен. Сами

теории молодежи оформляются в текстах, как правило, в то время, когда эти перемены уже становятся фактом. Это обстоятельство может служить подсказкой, где и когда следует искать всплески активности в выдвижении новых теорий молодежи: достаточно присмотреться к поворотным событиям в жизни стран, регионов, континентов с ярко выраженными характеристиками молодежного участия, и можно с высокой долей вероятности утверждать, что примерно через 5–10 лет наблюдающие эти события интеллектуалы отреагируют на них обновленными теориями молодежи.

Такова и ситуация в России и странах — бывших советских республиках, где за десятилетие со времен капиталистического рывка уже немало сделано в теоретическом осмыслении молодежи, частью в духе ряда идей, пришедших с Запада, частью на основе вполне самостоятельного научного творчества. В последнее десятилетие опубликованы концептуальные работы Ю. А. Зубок, И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, Вал. А. Лукова, Е. Л. Омельченко, В. И. Чупрова, Т. И. Яковук и ряда других авторов, которые обогащают теоретические представления о сущности и характерных чертах молодежи, молодежного движения, молодежной политики. Некоторые из этих работ представляют собой обобщение ранее проведенных эмпирических исследований, другие содержат более или менее основательные новые теоретические идеи, которые еще только предстоит реализовать в инструментарии эмпирических исследований (Луков, 2007).

Увлечение отечественных обществоведов западными теориями общества, длящееся уже почти четверть века, подходит к концу — в том смысле, что многие идеи уже усвоены, вошли в образовательные программы вузов, утратили обаяние новизны. Эти увлечения не были бесплодными, и это хорошо видно в попытках развития теорий молодежи. Из зарубежных источников пришли в отечественную науку темы социализации, субкультур, общества риска, социального конструирования реальности, но на нашей российской

почве они приобрели новые смыслы и обогатили теоретические представления о молодежи.

Но здесь нас интересует не то, какие новые поветрия охватили теории молодежи, а сам принцип, который и отражен в поставленном вопросе: *возможно ли существенное обновление теории*, на которой базируются исследования по молодежной проблематике, или главное уже сказано? Если мы признаем, что молодежь как научное понятие является фактически *концептом*, а связь его с другими понятиями, подчиненными ему в молодежных исследованиях, строится через *притяжение смыслов*, своего рода избирательное сродство, то надо признать и то, что теории молодежи могут *бесконечно обновляться* и в деталях, и по сути. Они фактически не представляют и не могут представлять собой систему необходимых и достаточных утверждений, позволяющих достоверно описать объект, его внутренние и внешние характеристики и связи и установить присущие ему закономерности функционирования и развития. Но и не должны претендовать на то, чтобы считаться такой системой, что не мешает им быть все же теориями. Что же они в таком случае фиксируют? *Базовые основания для интерпретации выявленных фактов*.

Если теория, построенная на избирательном сродстве некоторой группы фактов (не всех фактов без изъятия, как считал Э. Дюркгейм в «Метод социологии», а на практике лишь старался приблизиться к этому идеалу, но не достигал его) с находящимся в ее центре концептом, может непротиворечиво дать интерпретацию новых и неожиданных фактов в одной плоскости (т. е. по тем же основаниям, критериям) с ранее установленными, а сверх того позволит выявить ранее незамеченные факты той же природы и так же непротиворечиво их связать с теми, которые уже получили интерпретацию в рамках данной теории, то ее следует признать как приемлемое познавательное средство в сфере гуманитарного знания. В этом аспекте систематизация фактов не-

отрывна от задачи понимания изучаемых явлений, а оно обладает тезаурусной природой и нередко обеспечивает ориентацию в действительности даже тогда, когда часть фактов плохо согласуются с интерпретационной схемой. Таковы, например, теория М. Вебера о формировании «духа капитализма» под непосредственным влиянием протестантской этики, концепция эдипова комплекса З. Фрейда, структурно-функциональная теория Т. Парсонса и другие наиболее признанные на определенном этапе трактовки человека и общества, которые были подвергнуты критике уже учениками мэтров. Тем не менее эти теории создают впечатление, что с их помощью трудные и противоречивые явления и процессы становятся понятными, а потому даже аргументированная критика не мешает им сохранять свое место в основном корпусе гуманитарных наук (в числе которых мы рассматриваем и социальные науки как имеющие ту же природу в организации знания).

По видимости, сказанное выше — это апология субъективизма в науке, но в действительности это учет *субъектности* как основы гуманитарного знания. Теория в сфере изучения общества, культуры, человека не может уклониться от решающей роли этого свойства в человеческой деятельности и мышлении. С позиций тезаурусного анализа мы особенно подчеркнем то, что ей свойственна диалектика полноты/неполноты. Причем ее объективная неполнота должна быть осмыслена как корректируемая тезаурусом, иными словами, в пределах определенной познавательной задачи она совершенно достаточна (обладает в этом смысле исчерпывающей полнотой) для ориентации в реальности.

Это обстоятельство и открывает путь для дальнейшего обновления арсенала теорий молодежи. Вызовы, принимаемые обществом от него самого и из внешней среды, оказываются многообразны и не находятся в одной плоскости. Когнитивные схемы ответов могут быть в этом случае сколь угодно различными, но в конечном счете сводимыми к относительно небольшому числу пара-

дигм — совокупности позиции и правил оперирования с ними, которые получили признание в достаточно крупных сегментах научного сообщества.

Впрочем, именно в конечном счете. Есть необходимость учитывать то, что сегодня на фоне плюрализма внутри наук и междисциплинарности как отличительного признака научного знания конца XX — начала XXI в. гуманитарные науки составляют не столько собрание систематизированных по определенным правилам утверждений, которые подлежат эмпирической проверке, сколько совокупность научных сообществ, объединенных определенными правилами научного поиска и концепциями, позволяющими делать соизмеримые с ними выводы из эмпирической реальности. Во многих случаях речь идет не о законченных теоретических построениях, а о, так сказать, пробном, примерном собрании идей, более или менее логически увязанных между собой, которые и не претендуют на название теории, хотя выступают по отношению к эмпирическому материалу в роли ориентира.

Такого рода теоретические связки получили название *перспектив*. Этот термин предложил использовать американский социолог У. Скидмор для обозначения теорий, которые не имеют строгой логики и системы, а дают образное представление о реальности. Эти конструкции он и предложил обозначить как паттерн-теории, или перспективы. В отличие от дедуктивных теорий они более аморфны, их нельзя проверить на практике, но они дают язык описания реальности в определенном аспекте. Перспективы — это «интерпретативные схемы понимания» социальной реальности, утверждает Скидмор (Skidmore, 1975). Надо подчеркнуть, что для современного исследователя и для практика теоретические перспективы дают иногда больше, чем оформленные по правилам логики теории. Образ общества — даже и на уровне метафоры — лучше схватывает его черты, чем теоретическое описание на базе строго определенных понятий и правил их соединения.

Казалось бы, такое размывание гуманитарных наук, теряющих даже четкие парадигмальные опоры, должно вести к распылению научных сообществ и к индивидуализации научного творчества, нарастания числа несопоставимых между собой интерпретационных схем. Однако этого не происходит. Мы объясняем это тем, что ограничителем для произвольного толкования действительности выступает сама эта действительность, устанавливающая для субъекта научной деятельности и возможности, и барьеры креативности. Инструментом регулирования в этой сфере выступает социальная субъектность.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Пока исследования молодежи не выйдут на подлинную интеграцию наук (это более сложная задача, чем обеспечение междисциплинарных связей в молодежных исследованиях), их возможности будут ограничены. Собственно, в такую интеграцию предстоит вступить не всем наукам, а лишь некоторым, на которых и опирается наше знание о молодежи.

Особое значение имеет союз психологии и социологии. Очень важно продвинуться дальше в выявлении *психологических свойств возраста, приобретающих социальный смысл*.

Мы, в частности, считали бы важным для понимания молодежи глубже изучить феноменологию *расширяющегося сознания* как условия и результата расширяющегося жизненного, в том числе социального, опыта. Гипотеза такова: в детстве имеет место феномен становящегося сознания, в зрелости — устойчивого сознания, в старости — феномен сужающегося сознания, специфика же молодежного возраста с этой точки зрения проявляется в свойстве сознания стремительно осваивать новые смыслы, загружая ими тезаурус как бы впрок, для проработки на последующих этапах жизненного цикла. В социальном плане это дает эффекты неустойчивости даже при устойчивости социально-структурных и институциональ-

ных обстоятельств жизни молодого человека и молодежных сообществ.

Заслуживает специального исследовательского внимания *специфика группообразования*: отрыв от родительской семьи как необходимость нормальной социализации компенсируется переходом не в «общество», а в открытые для коммуникации социальные сети, в том числе peer-groups — «группы равных». По ходу заметим, что этот термин, введенный Т. Парсонсом, осмыслен в литературе так, что создается впечатление о равенстве внутри этих групп (Курчатова, Морева, 2001). В действительности равенство участников peer-groups (подростков, молодежи) может быть отмечено только в том смысле, что они все — как «свои» — противопоставлены «чужим», но внутри группы налицо как раз неравенство, характерное для диких обществ (жесткая иерархия, беспрекословность подчинения и т. д.), что естественно, поскольку на «своей» территории молодежи невозможно опереться на культурные образцы и действует природный механизм стаи (как формы поддержания внутреннего порядка и защиты от внешней опасности). В peer-groups, как в ролевых играх, отрабатываются социальные практики господства-подчинения, но они непосредственно подчинены дихотомии «свои-чужие» во взаимоотношениях с внешним миром.

Из проблем, лежащих на грани психологии и социологии, представляет исследовательский интерес *экспериментальный характер ориентации* в период молодости. Отсюда готовность к рискованным действиям и действиям, не одобряемым в обществе, а в широком смысле — природная аномия молодости по отношению к социальной норме как «чужому» регулятору поведения vs высокий уровень нормативности в поведении по отношению к «своим» (таким образом идет освоение «действий по правилам»). Это противопоставление еще в 1960-е годы отметил в своих эмпирических исследованиях среди подростков Д. Маца (Matza, 1969), который установил, что сами подростки, образующие преступные группы, практически не разли-

чают «преступное» и «непреступное» поведение и рационализируют действия, признаваемые в обществе девиацией, через оценку их конкретных причин. В итоге, как показал исследователь, в подростковой банде идет освоение не девиантных ценностей, а девиантного оправдания совершаемых преступлений. Это важное наблюдение, полученное психологом, в социологическом аспекте не принято в расчет. Между тем оно было бы важно при продумывании мер предупреждения молодежной преступности, где от социологов нередко ожидают предложения, наиболее приближенные к практике.

Недостаточное знание российской молодежи — во многом результат традиционности в ее исследовании в сочетании с сокращением исследовательской деятельности на этом направлении (в сравнении со временами СССР). Это положение само собой не исправится, но оно находится в рамках управляемых процессов и зависит от активности молодежной политики — государственной и общественной. Сложнее тот аспект незнания, который связан с переменами в молодежи — ее образе и стилях жизни, ценностных ориентациях, картинах мира, социальных и культурных практиках, действиях, мыслях, настроениях. В этой части незнание может смениться знанием только в результате продолжения исследовательской работы и конструирования новых концепций молодежи, лучше отвечающих столь переменчивому объекту, подлежащему изучению. Глубже понимая молодежь, мы глубже понимаем общество, в котором живем. До некоторой степени в ней, ее отношениях и жизненных проектах мы угадываем черты будущего общества. Впрочем, зона предвидения в основном очерчивается устойчивыми социобиологическими формами и способами воспроизведения социальности в новых поколениях, в остальном же приходится прислушаться к Шекспиру: «Человек — существо непостоянное».

Насколько состоятелен дискурс по проблемам, которые относятся к выстраиванию теорий молодежи? Думается, результатом дискуссии в нашем случае не станет дости-

жение согласия в теоретических основаниях исследований молодежи путем контаминации разных парадигм и концепций разных научных школ. Такого согласия не было раньше, не будет и в дальнейшем в силу субъектной (тезаурусной) организации гуманитарного знания. Дело вовсе не в субъективизме, против которого возражать необходимо в любом научном обсуждении. Субъектность порождается не произвольностью оценочной деятельности субъекта, а его (субъекта) а) зависимостью от внешней среды (и эта зависимость для субъекта объективна), б) активностью субъекта как его неотъемлемого свойства, природного и социального атрибута. Эти Сцилла и Харибда мира, в который погружен субъект, порождают избирательность субъектных реакций и более того — *невозможность* действий вне этой избирательности. В этом и состоит апология множественности ракурсов теоретического освоения сущностных черт молодежи через дискурс в духе Ю. Хабермаса.

Такой дискурс может быть небесполезен для осмысления феномена молодежи и превращения этого осмысления в факты государственной и общественной молодежной политики, что показывает, например, широчайшая дискуссия в обществе и научных сообществах периода разработки и принятия т. н. Закона о молодежи в середине 1980-х — начале 1990-х годов. (Закон о молодежи, 2008). Во-первых, дискурс позволяет зафиксировать спорные позиции в области теории молодежи. Во-вторых, в итоге такой фиксации возникает возможность увидеть, где спор носит принципиальный характер (т. е. вытекает из различия научных парадигм), а где представляет собой следствие недоразумения, недодуманности, недосказанности. В-третьих, устраняя недоразумения и проясняя неясности, дискурс приводит теоретические разногласия к небольшому числу положений, которые конкурируют в исследованиях молодежи с полным на то

основанием, поскольку отражают возможность разных концептуальных решений, эвристическая ценность которых проверяется реальностью.

Собственно, в этом и видятся задачи продолжения дискуссий специалистов, плодотворно работающих на ниве исследований молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков, Ю. Г. и др. (2001) Социология молодежи : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс.

Закон о молодежи (2008) : Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России / сост. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1–2.

Ильинский, И. М., Луков, Вал. А. (2008) Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 5–14.

Курчатова, Т. В., Морева, С. Н. (2001) Неформальные объединения молодежи и проблема их взаимодействия в сфере досуга // Социальная технология в сфере культуры и досуга. Тамбов : Изд-во ТГУ.

Лисовский, В. Т. (ред.) (1996) Социология молодежи : учебник. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Луков, Вал. А. (2007) Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. С. 70–82; № 4. С. 87–98.

Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Луков, Вал. А. (2009) Ювентизация // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 255–256.

Социология молодежи (2008) : энциклопедич. словарь / авт.-сост. Ю. А. Зубок, А. И. Ковалева, Вал. А. Луков, В. И. Чупров ; отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М. : Academia.

Matza, D. (1969) *Becoming deviant*. Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall.

Skidmore, W. (1975) *Theoretical thinking in sociology*. N. Y. : Cambr. Univ. Press.